

A fantastical scene featuring a large, ancient tree with glowing roots, a floating ethereal figure, a small blue bird, and a distant castle.

АНДРЕЙ МИЛКОВСКИЙ

Память миров

Андрей Милковский

Память миров

<https://litres.ru/74251442>

SelfPub; 2026

Аннотация

О мирах, которые держатся на чувствах живых.

О выборе между защитой и свободой.

О том, как память живых и боль утраты могут изменить исход встречи со тьмой.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Память миров

Глава 1

*В память о наших питомцах, друзьях
и самых маленьких членах семьи. О тебе,
Цветик, и о тебе, Жасмин. Вы были частью нашей
души. Прощайте, попугайчики...*

Поля текли сквозь меня ровно, широко — так двигаются, когда мир спокоен. Где-то на пределе слышимости они дрожали тонко. Я стоял на склоне, у корневого круга Древа. Ветра не было. Воздух касался кожи прохладой и влагой. Здесь он всегда был чуть тяжёлым — насыщенным испарениями от нижних слоёв, от гниющей трухи, от медленного дыхания корней.

На рассвете я сел на край выступа, закрыл глаза и слушал. Просто перебирал звуки: далёкий свист, шорох листвы, тонкий звон капель. Хороший способ проветрить голову.

Опустил ладонь на корень, выступающий из склона. Кора была шершавой, с продольными трещинами; в одной застрял клочок чужой шерсти — рыжеватый, свалявшийся. Я провёл пальцем по краю трещины, слушая, как корень отвечает мне глухим, долгим гулом.

Она пришла без звука. Лёгкое смещение полей, будто воз-

дух переступил сам себя.

— Ты тоже чувствуешь приближение, — сказала Она. — Но не знаешь — чего.

Голос Эллатры лёг внутри меня прикосновением, которое уже знало ответ.

— Я его слышу, — ответил я, не оборачиваясь. — Далеко, за краем.

Пальцы всё ещё лежали на корне. Я слышал, как её поле перераспределилось, устраиваясь на поверхности. Перламутровое одеяние скользнуло по камню; я знал, что оно переливается сейчас тёплым розовато-золотым — потому что поля вокруг Неё были спокойны.

— Ты смотрел за Остру, — спросила Она.

— Там нити тоньше, — ответил я. — Будто натянуты сильнее, чем нужно.

Я повернулся. Эллатра сидела на корне, поджав ноги. Она провела рукой над корнем и поле вслед её движению начало светиться зелёным, угасая через мгновение. На её плече сидел маленький комочек жизни, птица с синей грудкой и тёмными вкраплениями на крыльях. Она ритмично щебетала этому миру, радуясь каждому мгновению.

— Ты прав, они натянуты. С той стороны, которую мы ещё не проверяли. — сказала она и замолчала.

Я привык, что после нескольких её фраз наступает тишина. В этой тишине разговора я услышал, как внизу, в глубине Талестры, медленно движутся поля, как где-то далеко, начи-

нается дождь — влага уже тяжёлым одеялом опускалась на поверхность, меняя натяжение нитей.

Птица вспорхнула и полетела к кроне Древа. Эллатра проводила её взглядом, пока та не скрылась за ветвями.

— Попытаешься услышать? — спросила она.

— Хочу знать, кто натянул, — ответил я и опустил взгляд. Под ногами, в щели между корнями, лежала половинка расколотого камня с белой прожилкой. Я нагнулся, поднял. Тяжёлый. Края острые. Я покрутил его в пальцах и сунул обратно в труху.

— И я хочу, чтобы ты узнал, — ответила Эллатра. — И вернулся рассказать.

Она поднялась — плавно, будто поля сами подняли Её. Перламутровое одеяние стекло вниз, закрывая ступни. И не обернувшись на прощание — растворилась в смещении света, оставив после себя только чуть более плотную тишину и запах нагретой солнцем коры.

Я постоял ещё немного, прислушиваясь. Свистун на ветке надо мной дёрнул ухом, чихнул и принялся вычёсывать что-то из шерсти. Вода у подножия склона вздохнула и побежала дальше, как будто всё это время ждала, когда можно будет снова зашуметь.

— Ты говорил с Ней.

Голос был хриловатым, будто его обладательница только что проснулась или долго молчала. Чувствующая живых

шла босиком по мху. Руки её были испачканы в земле, она явно возилась с корнями до того, как заметила меня. Она уже обошла ближайших живых, проверила норы, посмотрела, состояние зверей, — это её утро. Синяя птица уже оказалась у неё на плече. Перья её искрились — будто мир сам подсвечивал её путь.

Чуть поодаль, у развилки корней, стоял Опора. Он закончил обход окрестностей Древа — проверил границы, посмотрел, не сместилось ли что. Сейчас он молча стоял, проверяя узор полей. Спроси его, зачем — пожмёт плечом. Это его утро.

— Да, — ответил я после паузы, прислушиваясь к тому, как свежий разговор укладывается в память.

Чувствующая опустилась на серый камень. Птица вспорхнула, сделала круг и снова села ей на плечо.

— И о чём в этот раз?

— Нити натянулись за краем Круга шести Миров.

Она нахмурилась. Поле вокруг неё дёрнулось — короткая рябь, как от брошенного камня.

— Сильно?

— Пока не рвутся.

Она хмыкнула, опустила руки в текущую воду, серые следы потекли, перемешиваясь вместе с течением. Птица на плече переступила лапками, чистя клюв о ткань — и оставляя на ней уже знакомые полосы.

— Твой узор всегда тянется за край. Туда, где нити тонь-

ше, — сказала она, глядя куда-то в сторону воды. — Когда впервые тебя увидела, поняла.

Я улыбнулся. В её словах была мягкая теплота. Подошёл к воде у подножия склона. Её поверхность дрогнула, поднялась чуть выше — словно сама захотела дотронуться до меня.

Чувствующая сидела на камне, опустив ноги в поток, и разглядывала, как отражённый свет рвётся и собирается на ряби. Птица спустилась на камни у воды.

Опора стоял, глядя на течение. Пальцы его касались корня — проверяя, что тот всё ещё твёрдый.

— Вода тебя запомнила. Корни о тебе шепчутся. Камни... ну, камни, как всегда, молчат, но они тоже обратили внимание. — Повернулась ко мне Чувствующая.

— А как ты поняла, что я вернулся? — спросил я, садясь рядом на соседний камень. Край его был шершавым, покрытым шелушащимся лишайником — чешуйки противно липли к ладоням.

Она показала на птицу, которая как раз вспорхнула и села на ветку над нами.

— Она заволновалась до того, как ты вышел. Я и не знала, что ты уходил, а она — знала.

Я посмотрел на счастливый комочек в ветвях. Он наклонил голову, глядя на меня одним глазом, потом другим, коротко свистнул — три звука, высокие, вопросительные.

— Она спрашивает, что ты слышишь, — сказала Чувству-

ющая. — Я сказала ей про нити.

— Откуда ты знаешь, что она говорит?

— Поля подсказывают мне, — Чувствующая пожала плечом. — Я знаю, что она чувствует. Любопытство. Настороженность. Сейчас — спокойно, потому что тоже чувствует мои спокойные поля.

Чувствующая воспарила к ветке, провела пальцем по пёрышкам на голове птицы, и та прикрыла глаза, довольно щурясь.

Я помолчал, вслушиваясь в поток. Вода рассказывала о камнях на дне, которые медленно сглаживались движением; о корнях, пьющих у самого дна; о мельчайших живых в толще, которые почти не касались наших полей, но всё равно вплетались в общую ткань.

— Слушай, — сказал я, когда тишина стала достаточно плотной. — А как ты отличаешь? Ну, вот она сидит. — Я кивнул на птицу. — Просто сидит. Как ты понимаешь, что она не устала, не больна, не напугана?

Она повернула голову и посмотрела на меня долгим взглядом.

— Ты всегда такой любопытный?

— Я Слышащий, всё новое — моя суть.

Она улыбнулась.

— Хорошо. Смотри. — Она протянула руку и коснулась птицы кончиками пальцев. Та замерла, но не отдёрнулась. — Её поле сейчас тёплое, ровное, без рывков. Если бы она была

напугана — оно бы дрожало мелкими иглами наружу. Если бы болела — было бы тусклым, втянутым внутрь. Если бы устала — тяжёлым, с провалами.

Она убрала руку. Птица встряхнулась и принялась чистить крыло.

— Ты это чувствуешь? — спросил я.

— Я это вижу, — поправила она. — Так же, как ты видишь, что вода течёт. Просто мы видим разное.

Я кивнул, запоминая. Где-то в глубине под нами медленно поворачивались слои Талестры — я слышал его скрежет, тихий, как дыхание. Птица на ветке зевнула и переступила с лапки на лапку.

Чувствующая вдруг подняла голову, прищурилась, глядя куда-то вверх, сквозь ветви.

— Перистый змей планирует, — сказала она негромко. — Видишь?

Я поднял взгляд. Сначала — только ветви, листья, пятна света. Потом я заметил: длинная, тонкая тень скользнула между стволов, мелькнул гребень из перьев по хребту, и всё исчезло.

— Что он тут делает, — спросил я.

— Просто летит, — кивнула она в ответ, — Он красивый.

Где-то далеко начинался дождь. Я чувствовал, как приближение к Древу.

— Ты слышишь его? — спросила Чувствующая, хотя я не говорил вслух.

— Да, — ответил я. — Скоро будет здесь.

— Хорошо, — сказала она. — Я люблю дождь. После него всё пахнет иначе. И листья становятся мягче.

Опора стоял неподвижно, глядя в ту сторону, откуда приближалась влага. Пальцы его всё ещё лежали на корне. Не сжимали. Просто касались.

Мы сидели молча, пока первые капли не начали пробиваться сквозь крону — редкие, тяжёлые, они гулко ударяли по листьям, прежде чем упасть на наши плечи.

Чувствующая закрыла глаза и чуть наклонила голову вбок, подставляя лицо падающей воде. Птица рядом с ней распушилась, стряхивая капли, и вдруг издала трель. Я замер. Короткий взлёт звука — и пауза. Снова взлёт. Словно кто-то невидимый играл мелодию, знакомую только воздуху.

Чувствующая не обратила внимания — или сделала вид. Но я заметил, как она чуть улыбнулась, слушая.

Я смотрел как капли, стекающие по перьям, и вдруг подумал: мы только что говорили с Эллатрой. Она сказала, что нити натянуты за краем. Скоро нам придётся идти туда.

Но в этот момент, под первыми каплями дождя, рядом с той, кто чувствует каждое живое дыхание, и с тем, кто молча держит равновесие, — я не думал о том, что будет. Я просто слушал, как мир наполняется новыми звуками. И этого было достаточно.

Глава 2

Прошло несколько дней. Я сидел в Корневом круге, на сплетении толстых корней у самого ствола, где Древо дышало глубже всего. Чувствующая была где-то у живых, Опора — на границе.

Опустив ладони на кору я закрыл глаза. Древо подхватило меня. Удобная оболочка перестала быть мне нужной, я отпустил форму тела и вернулся в истинную форму, сотканную мне Эллатрой — тёмно-синее сияние, переливающееся тонкими извивающимися лучами. Переплетение полей, света, материи и памяти.

Я пошёл по нитям. Сквозь корни, сквозь сеть Талестры, сквозь узлы, где Древо касалось других миров. Кирра обожгла жаром, Мерена кольнула холодом — и остались позади. Я уходил дальше, туда, где поля истончались, а нити тянулись уже без опоры, одними только натяжением и памятью.

Где-то на пределе, далеко за краем Круга шести Миров, меня настиг далекий знакомый голос:

— Ты снова ушёл далеко за край?

Услышав Эллатру, я начал возвращаться к полям Древа. Восстановив зрение, я увидел над собой плотный слой ветвей и нитей, уходящих так высоко, что верхний край теряется в свете. Ветви похожи на переплетения жил: бесконечные, мягко светящиеся, в них медленно течёт жизнь. Где-то

далеко, в верхних ярусах, идёт почти незаметное колебание — будто само Древо слушает вместе со мной. Подо мной — корни: толстые, как опоры, и тонкие, как жилки. Поле чувствует их структуру так же ясно, как глаза — свет. Вокруг — влажный, плотный воздух, пахнувший свежестью и старой корой.

— Я... Я просто слушал глубже. Дольше и дальше.

— Для обучения этого достаточно, — отвечает Эллатра.

Её голос идёт сразу из нескольких мест: из корней подо мной, из ветвей над головой, из самого ствола. Где-то в кроне ритм на миг сбивается, как если бы древо откликнулось на её слова.

— Что ты чувствуешь сейчас?

Тело лёгкое, но не пустое — часть меня всё ещё зацеплена за глубину корней. Шероховатая древесная поверхность, местами заросшая мхом. Сбоку, ближе к внешнему кругу, поле отмечает более влажный слой — там идут каналы верхней воды. Ещё глубже — плотный, тихий камень.

— Я слышу жизнь.

— Уже точнее, — отзывается Эллатра.

Я плавно поднимаюсь, паря в потоке полей, чуть выше поверхности корней. Затем опускаюсь ступнями на кору — осознанно, чтобы чувствовать текстуру и отклик. Корни под ногами отзываются лёгкой дрожью, будто древо ещё не до конца отпустило меня изнутри.

Мы в Корневом круге: огромный ствол поднимается

вверх, обхватом в десятки моих ростов. Вокруг — кольцевая площадка, где корни выходят наружу, переплетаются и снова уходят вниз. Над головой крона разбита на ярусы, по каждому идут свои медленные световые волны.

Чуть поодаль, у развилки корней, Опора. Он не участвует — просто стоит, сложив руки, глядя в сторону спуска. Он уже обошёл периметр сегодня утром, проверил границы. Сейчас он ждёт — не меня, а того, что будет дальше. Его присутствие — как точка отсчёта: есть место, куда можно вернуться.

— Сегодня, — говорит Эллатра, — вернемся к простому. Круг Шести Миров. Ты уже слышал названия?

— Кирра, Мерена... — я пытаюсь вытащить остальные из общей памяти. — Ещё... три?

— Четыре, — мягко поправляет она. — Не обижай их.

— Я их не обижаю, — говорю. — Я пытаюсь помнить.

В коре на миг сжимается, а потом раскрывается шире частичка света. Между двумя корнями прямо передо мной воздух начинает дрожать. Из этой дрожи поднимается поле и обретает форму Круга Миров. Сначала — Огненный круг: небольшой, ослепительно-белый шар висит чуть выше корней. От него во все стороны расходятся тонкие нити. Свет чувствуется не глазами, а оболочкой — колет, но не обжигает.

Вокруг одна за другой проступают полупрозрачные кольца. На них вспыхивает шесть узлов.

— Круг Шести Миров, — говорит Эллатра. — Так я их держу.

На миг картинка сжимается и переходит ко мне на ладонь. Шесть миров висят в темноте, связаны тонкими нитями; их свет дрожит. Я вижу весь круг сразу.

— Так легче? — спрашивает она. — Когда они не только в словах?

— Да, — говорю. — Так я хотя бы не теряю, где кто.

Кирра тянет жаром, Мерена — аккуратным холодом, Архион — сухой тяжестью. Остальные три ждут своих имён.

— Остальных почувствуешь сам. Спроси у них по нитям.

— Как? — вырывается у меня.

— Так же, как сейчас спрашиваешь меня, — отвечает она. — Только глубже.

Я ухожу глубже полями в корни Древа. Они помогают раскрыть сеть внутри Круга шести Миров. Чувствую тёплую нить Кирры, холод Мерены, тяжесть Архиона... ещё три направления, пока только намёком.

Я тянусь к одному из них. Нить тоньше, чем у Кирры, но живая, быстрая, как струйка воды на ветру.

«Кто ты?» — спрашиваю полем. В ответ пробегают короткий смешок света, перелив — как отблеск от множества мелких поверхностей.

— Силем, — шепчет нить.

Я запоминаю это имя. Следующая глубже, плотнее. Нить почти не двигается, в ней — тяжёлая, собранная тишина. За-

даю тот же вопрос. Ответ приходит не сразу: сначала — мягкий, низкий гул, потом одно слово, как удар.

— Архион.

Третья нить сначала кажется пустой, как продолжение Мерены, только без льда. Боюсь, что опять наткнулся на тишину, но всё-таки дотягиваюсь. На самом краю что-то дрогнуло — как лёгкий росток, только проклюнувшийся из тьмы.

— Я Остра, — звучит тихий отклик.

— Услышал? — спрашивает Эллатра. Её голос мягко возвращает меня ближе к поверхности.

— Силем, Архион и Остра, — говорю. — Они ответили мне.

— Теперь ты знаешь их не только по моим словам.

Она как будто касается света Круга контуром ладони. Пучок света чуть тускнеет, нити сворачиваются, узлы сжимаются в точки и Круг шести Миров втягивается обратно в кору дерева.

— Образ помогает, — говорит она. — Но настоящее — в нитях.

Её световой узел касается корня.

— Почувствуй их полями через корни. Дерево связано со всем Кругом.

— Чувствую. И жар, и холод, и твердость и память... всё разом. Ощушаю провалы в памяти Мерены...

— Быстро заметил, — шепчет Эллатра.

Её свет в коре на миг дрожит.

— Ты... для чего ты сделала меня таким чувствительным?

— Шумы тоже часть мира. Нужен тот, кто будет слышать тоньше. — Отвечает Она и смещает внимание.

Тишина держится пару мгновений.

Корни под ногами шевелятся, дерево вздыхает своим медленным дыханием.

— Вернёмся к обучению, — говорит она уже более собранно. — Дерево — хороший проводник. Здесь легко уйти слишком глубоко.

Приняв удобную форму, я устраиваюсь прямо на корень, в место, где сходятся нити. Чувствую живую сеть подо мной.

Опираюсь рукой рядом. Проваливаюсь в размякший слой трухи вокруг корней. Она влажная, липкая, пахнет кислым. Я отдёргиваю руку, вытираю о кору, но липкость остаётся — тонкая, въедливая.

— Сейчас я направлю твоё поле по нитям через корень, — предупреждает Эллатра. — Если почувствуешь дрожь. Не пугайся, это я.

— А если... — я запинаюсь, всё ещё чувствуя на пальцах липкость. — Если услышу не знакомое?

Кора на уровне моего взгляда чуть темнеет, потом снова светлеет.

— Тогда спроси, — говорит Эллатра. — Даже если будешь сомневаться.

Поле внутри собирается плотнее.

— Готов.

Корень подо мной начинает едва вибрировать — глубоко, в слое нитей. Чувствую мягкую тягу: Эллатра берёт мою поле и чуть тянет.

— Не хватайся за образы, — её голос звучит мягко. — Сначала — структура. Натяжение, ритм.

Я стараюсь. Есть древо, есть я, есть сеть. Есть холод и жар в Круге... есть тишина за его краем...

И вдруг, далеко за краем — тонкий, чужой звук. Еле слышный шорох, будто по большой гладкой поверхности проводят чем-то острым очень далеко.

Моё поле дёргается.

— Это ты? — спрашиваю. — Или...

Натяжение почти сразу ослабевает. Жар и холод уходят на фон. Корень подо мной перестаёт дрожать.

— Я остановила нить, — говорит Эллатра. — Что осталось?

— Шорох всё ещё держится. Тихий, упорный. Если не вслушиваться — теряется. Если вслушаться — остаётся. Но теперь я его различаю. — Звук тонкий. Далеко за краем. Не как Древо, не как миры. Много маленьких царапин по очень гладкой поверхности.

Крона над нами едва заметно колыхнется. Трещинки в коре вокруг моего места на миг замирают.

— Знакомо, но пока я не помню, где слышала такого узора, — добавляет она уже тише.

Во мне сжимается. Рефлекс, который записан в моей те-

лесной форме.

— Это плохо? — спрашиваю.

Ответ не приходит сразу.

— Это... интересно, — наконец говорит она. — Сколько раз ты это слышал раньше?

— Не знаю, — честно отвечаю. — Возможно, всегда. Просто раньше я думал, что это Дерево... или ты.

— Дерево шумит иначе, — поправляет она. — Мягко. Это — другой рисунок. И он действительно за краем.

В коре рядом загорается тонкая линия.

— Запомни, — говорит она. — Шорох на краю полей при натяжке нити через корень. Не наш.

— И мы ничего не будем делать? — Слышу в своём голосе лишнюю остроту.

— Сейчас — нет, — спокойно отвечает она. — Для тебя это сигнал: «есть шум». Ты его запоминаешь. И отдаешь в общую память. Этого достаточно.

— Но он... чужой, — настаиваю.

— Возможно, — не спорит Эллатра. — Или я просто не помню, откуда.

Пауза.

— Я тоже не всё знаю. Привыкай.

Слово «привыкай» режет.

— А если я не хочу привыкать? — спрашиваю.

В стволе проходит тихая, почти неслышная волна.

— Тогда не привыкай, — говорит она. — Запоминай.

Твоя память — то, чем я дополняю ощущение мира.

— То, что я не могу почувствовать, увидеть или услышать, дополняете вы.

— А если я запомню неправильно?

— Твоя память не обязана быть правильной. Достаточно быть внимательным и честным. — Её свет в коре теплеет.

— Давай ещё раз, — говорю. — Через корень. Хочу лучше запомнить чужой звук.

— Уверен? — спрашивает она мягко.

— Если шум вернётся, — говорю, — я хотя бы не спутаю его с тобой или деревом.

— Хорошо, — отвечает Эллатра. — Ещё раз.

Поле опять тянется по нити через корень. Я отсекаю лишние звуки. Есть Дерево. Есть моя нить. Есть натяжение. Кирра пульсирует жаром, Мерена лежит холодной впадиной, Архион давит сверху.

И — за самым краем — тот же шорох. Теперь я слышу, что это не одна линия: множество мелких царапин. Каждая — в своём месте, но все — в общем ритме.

Пальцы чуть приподнимаются — словно хочу туда дотянуться.

— Слышу

— Не отталкивай, — просит Эллатра. — Просто отметь и оставайся там.

Я заставляю руку опуститься обратно на корень. Шорох

усиливается — будто почувствовал, что его заметили. На миг возникает ощущение, что где-то «там», за пределами, тоже кто-то сидит и слушает.

— Довольно, — говорит Эллатра и отпускает нить. — Не слишком?

Я проверяю себя. Внутри — мелкая сетка дрожи, как свежая паутина после ветра.

— Плотно, — говорю. — Но не ломает.

В корнях подо мной проходит одобрительная, очень тихая волна.

— На сегодня с нитями хватит, — решает Эллатра. — Кажется, нас тоже увидели.

Я замираю.

— Кто? — спрашиваю слишком быстро.

В ответ дерево чуть вздыхает, где-то вверху осыпается сухой мох.

— Там, где ты задаёшь вопрос, кто-то может задаться тем же. Это не всегда угроза. Иногда — просто отражение —, отвечает Эллатра.

Шорох на краю поля на миг становится гуще, как будто кто-то провёл по той самой гладкой поверхности ещё раз — ближе. Потом возвращается к прежней тонкости.

— Мы запомнили, — добавляет она тише. — Пока этого достаточно.

Корни медленно отпускают моё поле, и я чувствую, как глубина отступает, оставляя после себя тонкую дрожь.

Опустив взгляд, я замечаю между двумя крупными корнями, почти у ствола, застрял тонкий, высохший ответвившийся корень. Когда-то живой, он теперь скрючен и тусклый. Он дрожит едва заметно — от общего ритма дерева.

— Он давно здесь? — спрашиваю.

— Давно, — отвечает Эллатра. — И по моему замыслу здесь не должно быть неживого. Но мир не всегда слушается замысла.

Чуть дальше, у ствола, на коре висит старый сухой кокон, почти сросшийся с древесиной. На соседнем корне — облупившееся пятно в форме отпечатка ладони. Всё это не мешает дереву, но цепляется за взгляд.

На пальцах всё ещё держится тонкая липкая плёнка от трухи. Я вытираю руку о мох — липнет только сильнее, смешиваясь с зелёной пылью. Придётся смывать, когда дойду до ручья.

— А если я забуду, как звучит этот шум? — Спрашиваю Я

— Мы не забудем, — отвечает она. — Мы все помним вместе. В общей памяти. Но без тебя не будет полного оттенка мира. Поэтому запомни как есть и отдай.

Её свет в коре чуть теплеет.

— И у нас будет место, куда это поместить.

— Место? — переспрашиваю. — Какое?

— Храм, — говорит она просто.

Я поднимаюсь над поверхностью, паря как туман — поз-

воляю полям подхватить меня, скольжу над корнями на небольшой высоте. Так легче смотреть, так легче слушать. Приближаюсь к краю Корневого круга, туда, где корни уходят под камень и начинается спуск в тень. Свет в жилах древа вдоль тропы чуть усиливается, реагируя на моё поле.

У самой кромки, на толстом корне у спуска, сидит Чувствующая. Небольшая фигура в светлой накидке, ноги болтаются над переплетением корней. Рядом с ней — трое живых: гибкие, с длинными ушами и мягкими лапами, между пальцами — тонкая перепонка. Их поля шуршат тихо, как трава под ветром. Я узнаю фигуру по посадке плеч, по тому, как она чуть склоняет голову, будто прислушиваясь к невидимому течению. У воды она сидела так же. На плече знакомая птица.

Она оборачивается.

— А, — говорит, и голос у неё тёплый, лёгкий. — Это ты. Слышащий.

— Ты всё время чувствуешь моё приближение. — Я опускаюсь на край ручья. Делаю несколько шагов по мху, чувствую его приятную мягкость и прохладу.

— Я Чувствующая живых, — отзывается она, — а ты живой.

Один из зверей тянется мордой к её ладони, другой настороженно косится на меня, третий делает вид, что его это вовсе не касается и продолжает непринужденно лежать у её ног.

— Они тебя слышали, — поясняет она. — Ты ходил глубоко и сильно там шумел.

Я чувствую, как внутри чуть сжимаюсь.

— Я... вроде бы слушал, — говорю. — А не шумел.

— Для Древа — да, — она улыбается краем губ. — Для тех, кто живёт в корнях, ты слушаешь громко.

Один зверь спрыгивает ближе ко мне, останавливается, обнюхивает воздух. Его поле слегка касается моего, щеко-чет, как лёгкая утренняя роса.

— Боится? — спрашиваю.

— Нет, проверяет, — отвечает Чувствующая. — Они так делают, когда решают, можно ли к кому-то доверять.

— И да, чуть боится, — добавляет она, с небольшой паузой. — Ты большой и светишься по-новому.

— Я им... мешаю? — уточняю.

— Нет, — качает она головой. — Они теперь будут помнить тебя. Как ты — свой шорох.

Я замираю.

— Ты знаешь про шорох? — спрашиваю.

Она пожимает плечами.

— Эллатра шепнула, — говорит. — Я не слышу его так, как ты.

Она стучит себя пальцами по виску.

— Я слышу, когда живые разом поднимают головы. Когда те, что в кроне, разлетаются без видимой причины. Когда в корнях что-то замирает.

— И сейчас? — спрашиваю. — Они как-то... по-другому двигаются?

Чувствующая на секунду замолкает, прислушивается всем телом. Птица на её плече переступает лапками, склоняет голову, тоже слушает. Звери рядом напрягаются, принимают к воздуху, потом снова расслабляются.

— Сейчас — нет, — говорит она. — Сейчас просто новый голос у дерева.

Она смотрит на меня внимательнее.

— Ты его боишься? — спрашивает.

— Пока нет, — говорю. — Он чужой, но слабый.

Она чешет одного зверя за ухом; тот закрывает глаза и дёргает лапой.

— Если шорох начнёт мешать тем, кто в корнях, я скажу, — а ты скажешь мне, если он изменится по твоему слуху.

— Скажу, — отвечаю я.

Один зверь, самый смелый, наконец решается и касается меня носом. Поле чувствует его — щекотно, тепло, робко.

— Он решил, что ты не хищник, — переводит Чувствующая. — Пока.

— Это долгое «пока», — говорю.

— У них все «пока» долгие, — отвечает она и встаёт. Накладка мягко сползает с корня, касаясь мха. Птица вспархивает с её плеча, делает круг и садится на ветку над нами. Звери поднимаются, вытягиваются, один всё же оглядывается на меня через плечо.

— Если будешь слушать корни глубоко, — добавляет она на прощание, — помни, что под ними тоже есть жизнь.

Она уходит по толстому корню в сторону боковых ходов, негромко свистит, даже не оглянувшись.

Птица срывается с ветки и скользит за ней.

Корни под шагами Чувствующей мягко пружинят. Её поле постепенно растворяется в общем фоне.

Опора по-прежнему стоит у развилки корней. Он не смотрел на нас, не вслушивался — просто стоял, касаясь пальцами корня, и ждал. Когда я подхожу ближе, он поднимает взгляд. Секунду молчит.

— Хорошо слушал, — говорит он.

Не вопрос. Не оценка. Просто факт. Потом отворачивается и идёт вниз по тропе, не оглядываясь, проверяя, что впереди чисто.

Я

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.